

СТАРАЯ, СТАРАЯ СКАЗКА

Несчастная моя судьба.
- 1998, - 27 мая,
- с. 7

Татьяна Кравченко

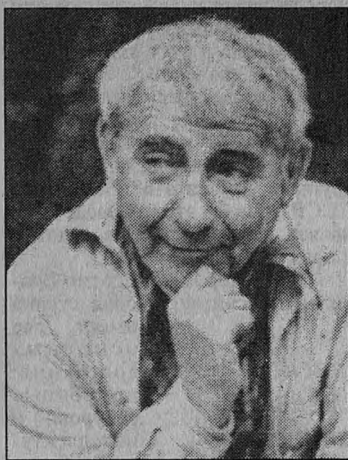
ПРИ ЭКСКУРСЕ в историю советской драматургии, а также в биографии наших знаменитых театров и актеров без Алексея Арбузова никак не обойтись. Арбузов — это «Город на заре» и «Иркутская история» в Вахтанговском, это знаменитая «Таня» с Марией Бабановой и не менее знаменитая эфросовская «Таня» с Ольгой Яковлевой, это споры вокруг «Годы странствий», это «Сказки старого Арбата» с Бруно Фрейндлихом, это грандиозный успех «Жестоких игр» в Ленкоме семидесятых, открывший зрителям Татьяну Догилеву, это... Впрочем, перечен можно длить, длить и длить. Лично для меня одно из немногих по-настоящему сильных театральных впечатлений — Алиса Фрейндлих и Михаил Боярский в арбузовском «Воспоминании» (в театре им. Ленсовета это пьеса в 1980-м шла под названием «Нечаянный свидетель».) Другое — арбузовская же «Победительница», постановка Шапиро, рижане привозили ее в Москву на гастроли.

Это было, но давно. Сейчас же пьесы Арбузова почти исчезли из репертуара. Правда, накануне 50-летия победы большим успехом у режиссеров вдруг стал пользоваться «Мой бедный Марат», камерная история и про войну, и про любовь...

Оставим «Город на заре» историкам литературы, — не жалко, в конце концов, это не Арбузов, а коллективное творчество. Но, скажем, Виктоша, но Лидия Васильевна Жербер? Неужели «Сказки старого Арбата» и «Старомодная комедия» тоже сданы в архив?

Похоже, что Арбузову вынесли приговор: несовременен.

А он никогда и не был «современен», даже на пике своей популярности. Пьесы Арбузова не возвращают ушедшее время, по ним не создашь портрет поколения, как, например, по фильмам «Застава Ильича» и «Я шагаю по Москве». Сиюминутные приметы эпохи его не волновали. Рабо-

чие конфликты, научные открытия, даже война у Арбузова лишь фон, условность, повод поговорить о том, что, по его мнению, действительно важно: о человеческих отношениях вообще, а не об особенностях развития этих отношений в сороковые или шестидесятые.

Странно, что по Арбузову, одному из самых «раскрученных» советских драматургов, жизнь — это отнюдь не работа, работа и еще раз работа. И не неуклонное стремление к успеху, не борьба, не отдача долгов, не карабанье с вершины на вершину. То есть и борьба и отдача долгов в ней присутствуют, но не самоцельно. Жизнь — это великая радость. А самая большая радость жизни — счастье человеческого общения. Наивно? Да, и опять несовершенно. И анахронизмом кажется деликатная арбузовская героиня, говорящая: «Мы все прелесть что такое, но живем, как-то не оглядываясь друг на друга».

Ах, эти удивительные женщины в пьесах Арбузова... Их любовь щедра, она действительно долго терпит и милосердствует, не завидует и не превозносится, не ищет своего и не мыслит зла. А если их любовь причиняет любимому боль, они находят в себе мужество уйти первыми. Потому что, в отличие от жалких героинь нашей «женской прозы», женщины Арбузова умеют не только любить, но и уважать себя и своих любимых. Они из тех, кто и в

серых будничных днях чувствует праздник, из тех, кто одним взмахом ресниц превращает обыденность в сказку. В названии вина им чудится путешествование, и в голову приходят всяческие «дурацкие мысли».

Жаль только, что в нашем реальном мире такие женщины встречаются не чаще, чем сказочные Елена Прекрасная или Василиса Премудрая...

Арбузов все время ведет диалог (или спор?) с собой. Многие его пьесы — различные варианты одной и той же ситуации. А что будет, если поступить так? А вот так? Как тогда пойдет жизнь? Постулат, отрицание, отрицание отрицания...

«Даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала», — на этом постулате построен «Мой бедный Марат». «Это была нелепая пьеса, и фраза эта была пустая», — вздыхает через 10 лет Инна из «Вечернего света». — *Слишком красивая, чтобы быть правдой. Все предрешиено. Есть судьба, и изменить ее никто не в состоянии.* На что герой ей отвечает: «*Ты говоришь точно мертвая...*» В этом — весь Арбузов. Пока человек жив, он должен надеяться, и верить, и любить, и изменять свою жизнь, чтобы не предавать надежду и любовь.

Сказочник...

Только самая популярная сказка нашего времени, американская мечта о Золушке, неожиданно получающей кучу денег и прекрасного принца к ним в придачу, — эта сказка Арбузову была совершенно неинтересна. Может быть, и поэтому его не ставят...

А ведь пьесы Алексея Арбузова очень сценичны. Арбузов — драматург от Бога, писавший не для чтения, а для театра. Поэтому его пьесы надо не читать, а смотреть.

Впрочем, в последнее время наметился некоторый перелом. Уставшей от «сюра» повседневности зритель хоть на сцене хочет получить иллюзию нормальной жизни, где мучаются от любви, а не от отсутствия денег. И в московском театре на Малой Бронной играют «Мое заглавие»...